

М. И. Михайлов

Скрипач

Рассказ

Русские повести XIX века 40-50-х годов. Том второй
М., ГИХЛ, 1852

[OCR Бычков М. Н.](#)

Лет двадцать тому назад в мирном городке Б. (не знаю, каков-то он теперь: судьба давно сорвала меня с его благословенной почвы и унесла вдаль) не существовало, я думаю, ни одного обывателя, которому не был бы известен хоть по имени Трофим Смекалов.

Это, впрочем, и неудивительно: все жители были там наперечет; да и городок-то весь лежал как на ладони: в какую улицу ни заверни -- поле видно.

Справедливо говорит Карамзин, что и "лапландец, рожденный почти в гробе природы, несмотря на то, любит хладный мрак земли своей". Спросили бы вы любого из старожилы городка Б., доволен ли он местом своего жительства... Каждый, наверно, ответил бы вам, что нет на всей поверхности земного шара более приятного, более привольного уголка.

И не прав ли был бы он с своей точки зрения?

Дальше пятидесяти, много ста верст за чертой города не бывала его ветшающая в сарае бричка, а следовательно, не бывал и он сам; то, что видел он за пятьдесят и за сто верст от своей родины, не могло затмить в его глазах достоинств ее, и возвращался он домой с радостным биением сердца. Здесь он вырос, здесь, может статься, был впервые влюблен, здесь женился, здесь родились его дети, которым (как знать!) придется, может быть, повторить тихую жизнь отца с немногими изменениями.

Каждый знал здесь каждого, каждый принимал участие в каждом. Разумеется, не все то, что знал один про другого, делало этому другому честь, так же как не всякое участие и здесь отличалось бескорыстием; но -- где же нет темных сторон?

А как умели веселиться в городке Б.! Я готов дать руку на отсечение, что на столичном бале, при ослепительном сиянии тысячи свеч, под очаровательные звуки многочисленного оркестра, никто не танцевал с такой беспечной веселостью, как танцевали, при скудном свете десятка сальных свеч, под визгливое пенье единственной скрипки, наши семь дам и три с половиной кавалера. За половину я считаю сына заседателя Шестипалова -- Ванюшу, тогда еще малолетнего: теперь он и сам, пожалуй, заседателем.

Виртуоз, напиливавший на скрипке кадрили и вальсы, матрадуры и экосезы, был Трофим Смекалов, к которому пора возвратиться после объяснительного вступления.

Часто, глядя на сухопарую, сутуловатую фигуру этого скрипача, одетую в синий нанковый кафтанчик с коротеньким лифом, на его худое лицо, усердно потеющее над темной декой скрипки, на его костлявые пальцы, так ловко перебегающие по грифу, часто думал я:

"Какую важную роль определила тебе судьба, Трофим Смекалов, поместив тебя в городке Б.! Кто придал бы без тебя столько живости и веселости этой молодежи?... Взгляни на светлые лица барышень и юношей, порхающих под звуки, извлекаемые тобой из верного инструмента, и прочитай на этих светлых лицах бессознательную благодарность тебе! Вот лучшая награда твоей старательности!"

Но Трофим не поднимал глаз на танцующих и все старательней и старательней пилил свою скрипку: казалось, подбородок его продавит деку, смычок перережет струны. Даже в краткие промежутки, когда барышни, сделав книксены своим кавалерам (у кого был, конечно, кавалер), обмахивались носовыми платочками и спешили выпить по стакану холодной воды, а кавалеры удалялись в соседнюю комнату затануться трубочкой, даже в эти промежутки скрипач не обращал никакого внимания на то, что происходило вокруг него.

Сняв нагар со свечи, Трофим брал с пюпитра клетчатый бумажный платок и вытирал им сначала задок скрипки, потом лицо свое, начиная с морщинистого лба, сливавшегося с желтоватой лысинкой, и кончая острым подбородком.

После этого скрипка снова ущемлялась между высоким и жестким галстуком и бородой